

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖЕК ЛОНДОН

Мужская верность

МОСКВА
2017

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Jack London
THE FAITH OF MEN AND OTHER STORIES

Перевод с английского
Р. Облонской, И. Гуровой, М. Чехова

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация Ньюэлла Конверса Уайета (1882–1945)

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Лондон, Джек.

Л76 Мужская верность : [перевод с английско-
го] / Джек Лондон. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 256 с.

ISBN 978-5-699-93179-8 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-93189-7 (100 главных книг)

Авторский сборник «Мужская верность» (1904) относится к циклу северных рассказов, который принес Джеку Лондону большой успех и читательскую любовь. Каждая из историй рисует картину яркого и удивительного мира, где жизнь предстает во всем своем многообразии. Тяжелая борьба с суровой природой и столкновение двух миров, цивилизованного и естественного, на Клондайке становятся настоящим испытанием для личности. Одни герои стремятся к достижению успеха и не останавливаются ни перед чем, преодолевая буйство стихии, границы собственного Я и даже перешагивая через нужды окружающих. Другие – проявляют высшую степень человечности, верности и самоотречения.

Насыщенное содержание, заманчивые сюжеты, романтика приключений здесь переплетаются с философской проблематикой, а психологические ситуации, в которых оказываются герои, актуальны и в наши дни.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Гурова И., перевод на русский язык.
Наследники, 2017

© Облонская Р., перевод на русский язык.
Наследники, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93179-8

ISBN 978-5-699-93189-7

ОСКОЛОК ТРЕТИЧНОЙ ЭПОХИ

Я с самого начала умываю руки. Не я, а он все это сочинил, и я не собираюсь отвечать за его рассказ. Заметьте, я делаю эти предварительные оговорки, чтобы никто не усомнился в моей честности. Я женат, достиг кое-какого положения, и, чтобы не опорочить доброе имя людей, чье уважение я имел честь заслужить, и не повредить нашим детям, я не вправе рисковать, как когда-то, с юношеским легкомыслием и беспечностью утверждая то, в чем не уверен. Итак, повторяю, я умываю руки, снимаю с себя всякую ответственность за этого Нимрода, могучего охотника, этого нескладного, веснушчатого, голубоглазого Томаса Стивенса.

Теперь, когда я все выложил и чист перед самим собою и перед всеми нашими потомками, сколько бы мне их жена ни подарила, я могу себе позволить быть великодушным. Не скажу дурного слова о том, что рассказал мне Томас Стивенс, более того, я вообще оставлю свое мнение при себе. Если меня спросят по-

чему, я могу лишь ответить, что у меня нет на этот счет никакого мнения. Я много раз думал, взвешивал, оценивал, но, право слово, так ни к чему и не пришел, а все потому, что далеко мне до Томаса Стивенса. Если он говорил правду — хорошо, если неправду — тоже хорошо. Ибо кто может подтвердить его слова? Или опровергнуть? Я выхожу из игры, ну, а малoverы могут поступить, как поступил в свое время я: разыщите упомянутого Томаса Стивенса и потолкуйте с ним обо всем, что я надеюсь вам рассказать. Вы спросите, где его найти? Пожалуйста, где-нибудь между пятьдесят третьим градусом северной широты и полюсом и между восточными берегами Сибири и западной оконечностью Лабрадора — в любом месте, где водится дичь. Он, без сомнения, где-то там, место вполне определенное, даю вам честное, благородное слово человека, который заботится о своем будущем, а потому не лукавит и держится подальше от греха.

Может, Томас Стивенс и великий выдумщик, но не могу не сказать, что он забрел в мой лагерь в тот самый час, когда я сидел один и думал, что от тех мест, где можно встретить цивилизованного человека, меня отделяет тысяча миль. При виде человека, первого за долгие, томительные месяцы, я едва не вско-

чил и не обнял его (а я вовсе не склонен к бурным проявлениям чувств), для него же в этом посещении не было, кажется, ничего удивительного. Он просто забрел на огонек, поздоровался по обычаю охотников и бродяг и, отодвинув в одну сторону мои лыжи, в другую — собак, расчистил себе место у очага. «Заглянул одолжить щепотку соды, — сказал он, — а заодно поинтересоваться, нет ли у вас хоть немного доброго табаку». Он вынул старую трубку, тщательно набил ее и, глазом не моргнув, отсыпал половину золотистых сухих завитков из моего кисета в свой. Да, табачок был хорош! Не испытывая ни малейших угрызений совести, он блаженно затаился, а я глядел на него, и мое сердце курильщика радовалось.

Охотник? Зверолов? Старатель? Он пожал плечами. Нет, просто бродит здесь вокруг. Недавно побывал у Большого Невольничьего, подумывает прогуляться на Юкон. В Кошимской фактории говорили о россыпях на Клондайке, и он решил поглядеть, чем дело пахнет.

Я заметил, что он называет Клондаик по старинке, на местный лад Рекой Северного оленя — привычка гордых старожилов, не желающих, чтоб их смешивали с чечачо

и прочими неженками. Но у него это получилось так непосредственно и просто, что не уязвляло, и я простил его. Он сказал, что, пока не перевалил кряж и не спустился к Юкону, ему, пожалуй, не худо бы еще заглянуть в форт Доброй Надежды.

Надо сказать, что форт Доброй Надежды далеко на севере, за Полярным кругом, куда редко ступает нога человека, и когда среди ночи к вам невесть откуда является этакий бродяга, подсаживается к огню и сыплет такими словечками, как «прогуляться» на Юкон и «заглянуть» в форт Доброй Надежды, самое время встать и протереть глаза. И я огляделся: брезент, защищающий от ветра, под ним — сосновые сучья, на которых я на ночь расстилал меховые одеяла, увидел мешки с провизией, фотографическую камеру, пар от дыхания псов, что улеглись вокруг костра, а в вышине — гигантское полотнище северного сияния, раскинувшееся в небе с юго-востока на северо-запад. Я вздрогнул. Есть в ночах Севера какое-то колдовство, которое пробирает до костей, словно лихорадка на болотах. Не успеешь оглянуться, как ты уже в его власти и повержен наземь. Потом я взглянул на свои лыжи, они лежали плашмя, крест-накрест там, где он их бросил. Увидел

я и кiset. По крайней мере половины моего солидного запаса курева как не бывало. Все сомнения рассеялись. Стало быть, мне не померещилось.

Верно, нечеловеческие лишения свели его с ума, подумал я, в упор глядя на гостя, как видно, это одна из жертв золотой лихорадки — из тех, что давно забыли родной дом и бродят, как неприкаянные, по бескрайним и бесплодным просторам. Ну что ж, пусть его болтает, пока, быть может, его омраченное сознание не прояснится. Как знать, вдруг при звуке человеческой речи он придет в себя.

И вот я старался втянуть его в разговор, и вскоре он, к моему изумлению, со знанием дела заговорил о дичи, о зверье и их повадках. Оказывается, он подстрелил однажды сибирского волка на крайнем западе Аляски и серну в самом сердце Скалистых гор. Он знает местечки, где по сей день бродит последний бизон, он преследовал по пятам стотысячное стадо чем-то испуганных карибу и спал на зимней тропе мускусного быка на Бесплодных землях.

И, слушая эти рассказы, я переменял мнение о нем (в первый раз, но отнюдь не в последний) и решил, что передо мной сама правдивость. Не знаю почему, но мне вздума-

лось рассказать ему историю, услышанную от человека, прожившего в этих краях так долго, что он уже не мог не привирать. Он уверял, что на крутых откосах горы Св. Илии водится огромный медведь, который никогда не спускается ниже, на более отлогие склоны. И вот бог так создал, приспособил этого зверя, что обе его правые лапы — передняя и задняя — на фут короче левых. И вы, конечно, согласитесь, что это очень удобно.

От первого лица, в настоящем времени я пустился рассказывать, как самолично охотился на этого редкого зверя, для пущего правдоподобия сдобрил местным колоритом, приукрасил все, как полагается, и поглядывал на своего слушателя в надежде, что мой рассказ ошеломит его.

Ничуть не бывало. Усомнись он, я бы его простил. Заспорь он, скажи, что такая охота не опасна — ведь зверь не может повернуться и побежать в другую сторону, — возрази он хоть слово, и я крепко пожал бы его руку, руку честного человека. Но ничуть не бывало. Он фыркнул, поглядел на меня и снова фыркнул; потом воздал должное моему табаку, положил ногу мне на колени и предложил пощупать мокасины. То были муклуки, какие носят аляскинские эскимосы, — сшитые су-

хожилиями, не украшенные ни бисером, ни какой-либо другой отделкой. Но шкура, из которой они были сшиты, — вот что меня поразило. Толщиной добрых полдюйма, она напоминала моржовую, но на этом сходство кончалось, ибо ни один морж не может похвастать такой удивительной шерстью. Сбоку, на лодыжках, она почти вся вытерлась оттого, что он изо дня в день продирался сквозь снег и кустарник, но сзади и сверху, в местах, более защищенных, была черная, без блеска и необыкновенно густая. Я с трудом разобрал мех, чтобы поглядеть на великолепный подшерсток, которым отличаются звери Севера, но его не оказалось. Зато шерсть была необычайной длины. В самом деле, на уцелевших, не вытершихся островках она достигала добрых семи, а то и восьми дюймов.

Я поглядел на своего гостя, и он убрал ногу и спросил:

— Ну как, у вашего медведя тоже такая шкура?

Я покачал головой.

— Не видал такой ни у одного зверя ни на море, ни на суше, — чистосердечно признался я.

Толщина шкуры и длина шерсти озадачили меня.

— Это шкура мамонта, — сказал он самым будничным голосом.

— Чепуха! — воскликнул я, не в силах сдержать свое неверие. — Дорогой мой, мамонт давным-давно исчез с лица земли. По окаменелым остаткам, обнаруженным в земле, и по замерзшему скелету, который сибирское солнце сочло нужным вытопить из самой толщи ледника, мы знаем, что некогда это животное существовало, но мы знаем также, что до наших дней оно не дожило. Наши исследователи...

— Ваши исследователи? — нетерпеливо прервал он. — Тьфу! Хилое племя. И слышать о них не хочу. Но скажи мне, человеку, что знаешь ты о мамонте и его повадках?

Тут явно что-то кроется, и я закинул удочку — порывшись в памяти, стал выкладывать все, что знал о мамонтах. Прежде всего я подчеркнул, что это животное доисторическое, и выставил в поддержку все имеющиеся в моем распоряжении факты. Я сослался на песчаные отмели сибирских рек, где в изобилии находят остатки скелетов мамонта, упомянул огромные количества мамонтовой кости, закупленной у эскимосов Торговой компанией Аляски, поведал, что мне и самому довелось выкопать два бивня — один шести футов,

другой — восьми в золотиносном песке на притоках Клондайка.

— И все эти ископаемые остатки, — заключил я, — мы находим в наносных породах, отлагавшихся в давние времена.

— Помню, еще парнишкой я видел окаменелый арбуз. — Тут Томас Стивенс фыркнул (ужасно противно он фыркал). — Значит, хоть некоторые фантазеры и воображают, будто они выращивают и едят арбузы, а на самом деле никаких арбузов давным-давно не существует.

— А чем бы они питались? — продолжал я, не обращая внимания на этот ребяческий довод, не имеющий отношения к делу. — Чтобы прокормить таких исполинов, земля должна родить щедро и безотказно. Нигде на Севере не найдешь такого изобилия. Следовательно, мамонт не может существовать в наши дни.

— Я прощаю вам полную неосведомленность о полярных землях, вы ведь еще малы и мало путешествовали, но в одном я готов с вами согласиться. Мамонтов больше нет. Откуда я знаю? Вот этой рукой я убил последнего мамонта.

Так вещал Нимрод, могучий охотник. Я швырнул в собак головешкой, приказал им прекратить адский вой и ждал. Уж конечно,

этот редкостный враль не утерпит и оплатит мне за медведя с горы св. Илии.

— Дело было так, — начал он наконец, выдержав подобающую случаю паузу, — однажды разбил я лагерь...

— Где именно? — прервал я.

Он махнул рукой куда-то на северо-восток, где простирались неведомые безбрежные просторы, — мало кто отваживался вступать на ту землю и почти никто не вернулся оттуда.

— Разбил я лагерь, и Ключ вертелась тут же. Красивая была собака, лучше и не найти в наших краях. Отец ее был чистокровный мейлмют из Пастилика на Беринговом море, а мать я ей тоже выбрал с толком — лучшую суку из тех, что разводят у Гудзонова залива. Отличная была помесь, можете мне поверить. Так вот, в тот самый день, помню, Ключ принесла мне щенят от дикого волка; из них выросли бы отличные псы — серые, длинноногие, широкогрудые и на редкость выносливые. Слыхали вы что-нибудь подобное? Я вывел новую породу и каких только не строил планов!

Стало быть, она благополучно разрешилась, все честь по чести. Я сидел на корточках и разглядывал щенят — семь крепких слепых зверенышей, как вдруг позади раздался рев,

точно в медные трубы затрубили. Что-то налетело, будто шквал, и не успел я подняться, как меня сбило с ног и я уткнулся в землю носом. И тут я услышал, как охнула Ключ — прямо как человек, когда его стукнешь кулаком в живот. Можете биться об заклад, что я лежал тихо, только чуть повернул голову и увидел, что надо мной нависла какая-то огромная туша. Потом мне снова открылось голубое небо, и я поднялся на ноги. И успел увидеть, как волосатая живая гора скрылась в зарослях на краю прогалины. Мелькнул толстый, толщиной с меня, торчащий хвост. Через мгновение у меня перед глазами был только широченный пролом в чаще, но еще слышен был гул, будто удалялся ураган: трещали вырываемые с корнем кусты, с грохотом ломались и падали деревья.

Я кинулся за ружьем. Оно было положено на землю, под дулом был чурбан — чтоб не загрязнилось. Теперь от ложа остались одни щепки, ствол был искривлен, затвор сплюснен. Потом я поискал глазами Ключ и... и что, по-вашему, увидел?

Я покачал головой.

— Гореть мне у сатаны на сковородке, если от нее хоть что-нибудь осталось! И Ключ и семь крепких слепых зверенышей исчезли